

ЕЛЕНА

АРСЕНЬЕВА

ТВОЙ ЛИЧНЫЙ

КОШМАР

Елена Арсеньева
Твой личный кошмар

«Елена Арсеньева»

2020

Арсеньева Е. А.

Твой личный кошмар / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2020

Мы не знаем последствий своих поступков. Не можем предсказать, к чему приведут самые обыкновенные, повседневные действия. Лелька чувствовала, что совершила ошибку. Но какую? Когда? Или еще не совершила, а только совершит? Девочка терялась в догадках. Однажды она просто оказалась в Корректоре – странном месте, которое снаружи выглядело как санаторий. Всех находящихся там ребят мучили кошмары. И всех их готовили к какой-то непонятной, загадочной миссии. К чему-то, что называлось Петлей... и давало возможность исправить ужасную ошибку. А еще – вызывало инстинктивный страх. Но о побеге из Корратора не получалось даже подумать. Лелька понимала: скоро в Петлю предстоит отправиться и ей...

© Арсеньева Е. А., 2020

© Елена Арсеньева, 2020

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Арсеньева

Твой личный кошмар

© Арсеньева Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Корректор

– Да брось кукситься, тут вообще-то ничего, – сказала девчонка, стоявшая в дверях. – Жить можно. Иногда даже весело бывает. Главное, в петлю раньше времени не лезь.

– Что?! – Лёлька взглянула на нее, но разглядела только какое-то расплывающееся пятно вместо лица.

Она изо всех сил старалась удержать слезы, а они так и подступали к глазам. И даже уже немножко лились...

– В петлю не лезь, – повторила девчонка и сделала очень выразительный жест: обвела шею рукой, а потом как бы потянула вверх.

И закатила глаза, и высунула язык.

«Значит, это все-таки психушка!» – подумала Лёлька и наконец-то расплакалась.

Это психушка, а никакой не санаторий! Значит, ее все обманывали: и родители, и «дядя-доктор», и сопровождающий, который встретил ее на станции и привез сюда.

Значит, она все же чокнутая.

А всем чокнутым место в психушках.

И ничего удивительного нет в том, что водитель, который вез Лёльку и ее сопровождающего со станции, чесанул от санаторных ворот с третьей космической скоростью, едва пассажиры вышли из его машины и вытащили из багажника Лёлькин чемодан! Боялся, наверное, что из этой узкой зеленой калитки вывалится толпа психов и набросится на него.

Наверное, тут всякое бывало. Этот шофер небось часто сюда людей возит. Может, кто-нибудь из них на него и накидывался...

Лёлке, если честно, тоже очень хотелось накинуться. Накинуться, вцепиться в него – и не отпускать до тех пор, пока не отвезет ее обратно на станцию. А еще лучше – напрямик в город, на родимую улицу Фруктовую, где Лёлька прожила почти тринадцать лет своей жизни. И не возражала бы прожить еще десять раз по тринадцать!

Хотя, наверное, столько не живут... Ни на улице Фруктовой, ни на какой-нибудь другой.

– Лина, прекращай новенькую пугать, – строго сказал сопровождающий. – Дай ей время оглядеться, привыкнуть.

– А потом можно пугать? – нагло ухмыльнулась девчонка, но сопровождающий не ответил, а только велел проводить Лёльку на третий этаж, добавив, что чемодан пока останется здесь.

Лина тихонько хмыкнула, но ничего не сказала.

Потом сопровождающий закрыл за собой дверь – и все.

Больше Лёлька его не видела.

Так же как и своего чемодана, между прочим.

Пока шли по коридору, Лёлька испуганно озиралась.

Лина больше про петлю не говорила, зато критически поглядывала на Лёлькину косу. И даже рот кривила в этакой ехидной ухмылочке.

Ну и что? По поводу ее прически Лёлька тоже могла бы ухмыльнуться! Потому что Лина прическа оказалась ну очень странной. Ее почти белые волосы были заплетены в десяток коротких и тощих торчащих в разные стороны косичек, закрепленных на концах маленькими смешными пластмассовыми заколочками в виде цветочков и бабочек. Такие косички называют мышинными хвостиками. И никакие заколочки положение не спасают!

А впрочем, какая разница, как Лина причесана? Ладно, хоть не наголо обрита!

Лёлька видела в каком-то фильме, что в психушках больных бреют наголо...

Тогда это не психушка?

Где, скажем, приемный покой? Где врачи и санитары со шприцами на изготовку и смирительными рубашками?

С каждым шагом Лёльке становилось все спокойнее.

Самый обыкновенный коридор. Белые двери по обе стороны. На дверях ни номеров, ни табличек. Противного больничного запаха не чувствовалось. Наоборот – из-за одной двери тянуло ароматом печенья с корицей.

Совершенно так же пахло дома, когда мама пекла это печенье. Этот запах был как бы привет из прежней жизни...

– Там что, столовая? – спросила Лёлька, только теперь почувствовав, что проголодалась.

Перед ее отъездом из Нижнего – уже четыре часа назад! – они с родителями поели в «Макдоналдсе» около вокзала. Вообще-то мама с папой никогда в «Макдоналдс» не ходили и Лёльке запрещали, хотя ей, конечно, иногда хотелось. Даже не иногда, а очень часто! Запрещали-запрещали, но вдруг сегодня повели туда и накормили всем, чего она только захотела.

Поедая гигантский бигмак, картошку фри, пирожок с вишней, мороженое с карамелью и запивая все это кока-колой, Лёлька вспомнила выражение: «Подсластить пилюлю», которое когда-то слышала или читала где-то, она уж не помнила. Это выражение означает, что какое-то горькое событие или тяжелую весть люди смягчают чем-нибудь приятным, радостным.

Видимо, подумала тогда Лёлька, ей предстоит принять не одну пригоршню самых что ни на есть горьких пилюль, если родители их так старательно подслащивают!

Ну что ж, Лёлька понимала, что лечение без пилюль не обходится. Она была готова покорно вытерпеть пребывание в этом закрытом санатории, где лечат таких же, как она: одержимых навязчивыми, страшными сновидениями. Нервных больных лечат. Вот только страшно боялась, что это все же психушка. Но родители так настойчиво уверяли, что это просто санаторий... И папин брат, врач-невропатолог, которого Лёлька всю жизнь звала «дядя-доктор» – он и достал путевку в этот санаторий, – тоже уверял, что это вовсе не психушка. У нее просто нервишки расшатались, как дядя-доктор это называл. Никакой шизофрении и всего такого ужасного!

Хотя, с другой стороны, с чего бы расшатываться нервишкам у Оли Ковалевой, которую все зовут Лёлькой, у этой самой обыкновенной девчонки, совершенно здоровой, спортивной, румяной, задиристой, которая никогда ни за словом, ни за делом в карман не лезла? Она всегда спала как топор и только год назад ни с того ни с сего стала видеть один и тот же сон...

Этот сон Лёлька утром не могла вспомнить, но он замучил ее и превратил в замкнутое, дергающееся, перепуганное, истеричное существо, которое пришлось на время (интересно бы знать, на какое!), даже не ожидая конца учебного года, забрать из школы и отправить в специализированный санаторий.

– Столовая? – в эту минуту повторила Лина. – Нет, столовая у нас своя, на нашем этаже. Сюда входить нельзя, разве не видишь надпись?

Лёлька могла бы поклясться, что минуту назад никакой надписи на двери не было.

И даже полминуты назад.

И даже полсекунды!

А сейчас она отчетливо разглядела яркие буквы: «Вход строго запрещен!».

Странно... Может, надпись видна только под определенным углом?

Может быть. Запросто. А еще может быть, что у Лёльки определенные глюки. Не такие, при которых видят того, чего нет, а другие.

Когда не видят то, что есть!

И значит, она все же чокнутая...

Странно – эта мысль уже не так напугала Лёльку, как прежде. Правильно говорят, что человек ко всему привыкает!

– А что там, за этой дверью, я даже не знаю, – продолжала Лина. – Но отсюда вечно пахнет копченой салакой. И очень охота в эту дверь сунуться! Знаешь, как я копченую салаку люблю! Больше всего на свете!

– Причем тут копченая салака? – удивилась Лёлька. – Пахнет печеньем с корицей!

Лина усмехнулась:

– Это уж кому как. Данила говорил, что арбузом пахнет. Адам – шоколадом. Джен – мандаринами. Гаэтано – козым сыром. Мне вот копченой салакой пахнет. Тебе – печеньем с корицей. А почему так получается и что там на самом деле – ноубоди ноуз.

– Что? – удивилась Лёлька.

– Ноубоди ноуз. Это по-английски «никто знает».

– В смысле никто не знает? – уточнила Лёлька.

– Ну, можно и так сказать, – согласилась Лина. – У англичан ведь только одно отрицание в предложении. Но вообще-то, если дословно переводить, получается – *никто знает*. Круто звучит, да? Есть какой-то *Ноубоди*, и уж он-то знает...

– А что он знает? – спросила Лёлька дрожащим голосом.

– Да все, – пожалала плечами Лина. – Ноубоди знает все! Почему каждый чувствует разный запах из-за этой двери. Почему на ней запрещающая табличка. Почему мы здесь. Почему сначала нельзя лезть в петлю, а потом можно. И куда они потом деваются – те, кто влез. И где они теперь... Ноубоди знает, понимаешь?

Лёлька тупо кивнула.

На самом деле она не понимала ничего. А кто бы понял на ее месте?!

Недоверчиво покосилась на Лину.

Крепкая, высокая, румяная, с очень светлыми, даже белесыми волосами, голубоглазая – самая обыкновенная девчонка. Одета в джинсики и белую майку.

На майке зеленая надпись: «Корректор».

На сумасшедшую Лина совершенно не похожа...

Коридор закончился, впереди показалась кабина лифта. Дверцы открылись, как только девочки подошли.

– Ишь, – буркнула Лина, – знает, что мы пришли. Ждет небось...

У Лёльки подкосились ноги.

Лифт знает? Лифт ждет?!

– Да ладно, привыкай, – сказала Лина, вталкивая ее в кабину, в которой не было привычной панели с кнопками этажей.

Дверцы закрылись, лифт пошел вверх.

– К чему привыкать? – спросила Лёлька.

– К тому, что тут за нами постоянно следят.

– Кто? – испуганно спросила Лёлька. – Врачи?

– Врачи – это которые лечат, – усмехнулась Лина. – В больнице. А это не больница. Это Корректор.

– Что?! Что ты говоришь? Какой Корректор?! – испугалась Лёлька.

– Какой-нибудь, – пожалала плечами Лина, ткнув себя в надпись на груди. – Так называется это место, куда мы попали. Видишь майку? Думаешь, она моя? Фигушки! Все наше у нас забрали. Свой чемодан ты тоже больше не увидишь. Вернут только всякую ерунду, типа заколок, расчески, зубной щетки. Джинсы, кроссовки, носки, майки выдадут казенные. Пижама и белье тоже.

– А планшет? А телефон?

– Фигушки, я же говорю, – повторила Лина. – Даже свою ручку не увидишь, даже блокнот! Скажи спасибо, что оставят имя! Тебя как зовут, кстати?

– Лёлька... – не сразу смогла выговорить та.

– Ну а я, как ты слышала, Лина. Все, приехали.

Лифт остановился. Дверцы раскрылись, и Лёлька даже отпрянула – такой оглушительный встретил ее ор, шум, хохот, рукоплескания и, как показалось в первую минуту, несчетное множество лиц.

– Привет, преступники и убийцы! – весело выкрикнула Лина. – Ну, вот вам новая игрушка!

* * *

Орел-наблюдатель, описывая круги в вышине, без умолку подавал сигналы, и клекот его становился все пронзительней, все тревожней.

«Пожалуй, не уйти», – устало подумал Данила, припадая спиной к дереву.

Если не дать себе хоть минутной передышки, он не вынесет этого сумасшедшего бега. Хотя, наверное, было бы даже лучше, если бы просто сердце не выдержало. Лучше умереть на бегу, пока не догнали.

Потому что все равно догонят, и тогда...

Птицеглавые отстали ненадолго, но они-то уж не потеряют след! Они никогда след не теряли! То, что Данила еще жив и оторвался от погони, – обычная их забава: погонять человека по лесу, пока в нем еще тлеет огонек надежды на спасение, а потом вдруг окружить со всех сторон и, обессиленного, задыхающегося, расстрелять в упор.

Данила тряхнул головой, отгоняя внезапное воспоминание, каким он видел сегодня Шурку: тело сплошь утыкано стрелами, ноги мучительно согнуты, словно, умирая, он все еще стремился убежать от страданий.

Не убежал. Так и остался в лесу, где ему *не повезло*...

Птицеглавые никогда не подбрасывали тела своих жертв к стенам форта: оставляли там же, где убивали. А другие одичавшие откровенно тешились горем и ужасом людей, когда те обнаруживали у стен форта изуродованные останки всех, кому *не повезло в лесу*.

Поэтому люди приучились держать себя в руках, не радовать врага. Вооруженные дежурные выходили, подбирали трупы и молча, деловито возвращались в форт.

Нелюди поднимали злобный, разочарованный вой и свист и долго еще металась по деревьям, норовя так раскачать ветви, чтобы допрыгнуть до стен форта. Но, во-первых, весь лес поблизости был надежно вырублен, во-вторых, сквозь стены проходил ток, а в-третьих, сверху они были щедро усыпаны битым стеклом.

Орел-наблюдатель вдруг заклекотал и резко пал с высоты, напрягая когти, словно хотел подхватить Данилу и вынести его из леса.

Понятно: погоня совсем близко! Диспетчер, наблюдавший за Данилой из форта и видевший округу телеобъективами, вживленными в глаза орла, не мог сейчас помочь ничем, кроме этих сигналов тревоги.

«Хорошо, хоть орел видит, – подумал Данила. – Наши будут знать, как и где меня убивали. Жаль, что я так и не успел ничего сделать, искупить вину... Интересно, родителям сообщат, что я погиб? Хотя вряд ли. Они, наверное, даже не знают, где я теперь. Думают, что я до сих пор сижу себе в санатории и, типа, лечусь неизвестно от чего. Надеются меня когда-нибудь увидеть...»

Странно: мысль о том, что родители даже не представляют, кто он и где, пришла в голову впервые. Почему Данила никогда об этом не задумывался? Почему почти забыл о них и о том, кем, каким он был раньше?

Почему-почему... некогда было! Здесь надо было выживать, спасаться и спасать других, работать в лесу, бороться...

И надеяться!

Но, кажется, надежды больше нет...

Данила с трудом отстранился от дерева. Запоздало спохватился, что забыл оглядеть его крону, прежде чем опереться о ствол. А вдруг в гуще ветвей свили гнездо одичавшие?!

Нет, крона чиста. Конечно, это ведь береза! Береза осталась единственным деревом, которое не подверглось мутации, и нелюди обходили его стороной.

Именно из березовой древесины люди делали стрелы для обычных луков. Птицеглавые предпочитали тростниковые. Даже без наконечников. Но все равно убойные, не хуже тех, которые использовали люди для огнестрелов!

Огнестрел – всего лишь железяка. Бездушная железяка. И стрелы у него такие же. А тростник ненавидел людей. Именно поэтому стрелы птицеглавых всегда попадали в цель и всегда убивали.

Тростник сам этого хотел!

Данила зачем-то осмотрел огнестрел, хотя и так знал, что в нем осталась всего одна стрела.

Хорошо бы успеть напоследок сшибить ею какого-нибудь птицеглавого. Чтоб знали Данилу Макарова!

Он погладил шершавую березовую кору и устало побежал дальше.

* * *

– Эй, да ты что? Ну давай, очнись уже! Ох и дура эта Лина! – жужжал рядом чей-то голос. – Лишь бы какую-нибудь глупость спороть. Джен, помоги ей сесть. Ребята, принесите кто-нибудь воды. Ага, спасибо. Ну...

Раздалось громкое «ф-фу!» – и в лицо Лёльке снопом ударили холодные брызги.

Она вскрикнула, дернулась и открыла глаза.

На нее встревоженно смотрели несколько ребят и девчонок. Один, рыжеволосый, кудрявый, какой-то необыкновенно толстощекий, держал в руке большую белую кружку.

Когда Лёлька открыла глаза, рыжеволосый сделал громкое глотательное движение – и щеки его разом похудели.

Лёлька поняла, что он уже набрал воды – снова брызнуть ей в лицо, а теперь проглотил.

– Привет, – буркнул рыжий, утирая рот свободной рукой. – Жива?

Лёлька кивнула, глядя на него с ужасом.

– Да брось! – сказал мальчишка с досадой. – У Лины самые нелепые шутки в мире. Никакие мы не убийцы, никакие не преступники. Ну, в смысле...

Он вдруг сморщился и озадаченно огляделся.

Остальные отводили глаза.

– Во всяком случае, в реале, – быстро проговорил мальчишка. – А что кому снится – это чепуха. Ясно?

Лёлька помотала головой. Вообще-то на ее месте так поступил бы каждый. Но все же главное она поняла: эти ребята и девчонки не собираются прямо сейчас резать ее или душиТЬ.

Может, даже и не соберутся никогда.

На маньяков они не слишком-то похожи...

С другой стороны, Лёлька что, знакома хоть с одним маньяком?! «Судьба Онегина хранила» – как сказал бы папа.

Хотя ночью, наверное, надо быть поосторожней с этими новыми знакомыми. Всякие психозы вроде бы именно по ночам обостряются.

Ей помогли встать.

Со всех сторон звучали имена: с ней знакомились, и она тоже тупо повторяла: «Лёлька, Лёлька...» – заодно пытаясь запомнить, что рыжего мальчишку, который брызгал ей в лицо

водой, зовут Стюарт, а вон того, длинного и худого, – Захария, что красивая золотоволосая девочка – это Мадлен, брюнет с большими карими глазами – Гаэтано, коротко стриженная, угрюмая – Оксана, маленькая, похожая на куколку, – Труды, стройный, смуглый, узкоглазый – Джен...

В первую минуту Лёльке показалось, что их тут не счесть. Потом сообразила, что около десяти.

Лёлька быстро переводила глаза с одного на другого, пытаясь понять, почему все иностранцы – а ведь тут было немало иностранцев: этот Гаэтано, наверное, итальянец, Стюарт похож на англичанина или американца, Джен – конечно, китаец – так хорошо говорят по-русски. То есть вообще без акцента!

Или они здесь уже очень долго, поэтому научились? И ей тоже предстоит пробыть здесь долго?!

– Вы здесь уже давно? – спросила Лёлька, ни к кому особенно не обращаясь, испуганно глядя в лица.

Ответил Стюарт:

– Не особенно. Но здесь очень быстро привыкаешь чувствовать себя как дома.

– Слабо верится, – пробормотала Лёлька.

– А ты поверь, – посоветовал Стюарт. – Так проще жить! – И добавил: – Кстати, у тебя замечательный английский.

– Что? – тупо моргнула Лёлька. – Какой еще английский?! У нас в школе французский...

– И французский отличный, – усмехнулась золотоволосая Мадлен.

– И итальянский, – весело добавил Гаэтано.

– А также немецкий, – хихикнула Труды.

Лёлька слышала со всех сторон голоса, уверявшие, что у нее классный испанский, иврит, украинский и даже китайский.

– А я думала, это у вас у всех отличный русский, – дрожащими губами произнесла Лёлька.

– Каждый из нас говорит на своем родном языке, – пояснил Стюарт. – Но мы отлично понимаем друг друга. Ведь мы в совершенстве узнаем чужой язык в ту же минуту, как слышим хоть слово, произнесенное на нем.

– Но как... как же это может быть?! – воскликнула Лёлька.

Стюарт пожал плечами:

– Нободи знает! Это только один из фокусов нашего Корректора. Ты Лину хорошо понимала? Ну вот! А она, между прочим, из Финляндии. Финский считается одним из самых трудных языков. А вот еще приколы хочешь? Где был вход в Корректор?

– В смысле? – озадачилась Лёлька. – В дверях, где еще! И там было крыльцо такое...

Кто-то засмеялся, но Стюарт нахмурился, и смешок смолк.

– В смысле в каком городе находился Корректор, в который ты попала? – уточнил Стюарт. – В России, я правильно понял?

– Ну а где же еще?! В России, недалеко от Нижнего Новгорода. А почему ты спрашиваешь?

– Да потому! – усмехнулся Стюарт. – Я жил в Чикаго, к примеру. Там же был и санаторий, куда меня отправили как бы лечиться. Санаторий оказался Корректором. Джен вон вообще из Шанхая. И в Корректор попал там же. Мадлен – из Ниццы, Лина – из Хельсинки... Ну и так далее. Мы входили в разные здания в разных городах и разных странах – но оказались все в одном месте.

Лёлька покачала головой.

– Не веришь? – усмехнулся Стюарт.

– Не знаю... как-то в голове не укладывается...

– Ничего, привыкнешь! – ободряюще сказал Стюарт. – Честное слово! Вот у кого хочешь спроси!

Лина огляделась.

Ребята весело кивали ей:

– Привыкнешь, привыкнешь!

– А где Лина? – спросила Лёлька, не увидев знакомого лица.

– Спустилась на первый этаж, – сказал Стюарт. – Обиделась, что мы тут на нее все заорали, когда ты в обморок хлопнулась. К тому же она сегодня дежурная. Теоретически, должна встречать новеньких – вдруг еще кого-то привезут.

Почему-то Лёлке стало чуть полегче от мысли, что сюда могут еще кого-то привезти.

Стюарт – похоже, он был здесь кем-то вроде старосты – сказал:

– Девочки, покажите новенькой свободную комнату, а то у нее ужин скоро. – Повернулся к Лёлке: – Первый ужин – нормальный. В столовой. Потом будешь в столовой только завтракать, остальное готовить сама.

– Почему? – удивилась Лёлька. – Из чего? Где я буду брать продукты?

– Узнаешь, – многозначительно сказал Стюарт. – Скоро ты все узнаешь!

– Нет, ну тебе трудно объяснить, что ли? – разволновалась Лёлька. – Тут у вас сплошные непонятки!

– Дальше их еще больше будет, – «успокоил» Стюарт. – Но ты сама все довольно быстро поймешь – со временем. А если сейчас тебе рассказать – в ступор впадешь. Так что...

– Ее в какую комнату отвести? – перебила Труди. – Где Адам жил?

– Да, конечно, – кивнул Стюарт. – Там хороший вид из окна. На березки. Успокаивает!

– А этот... Адам... он теперь где? – спросила Лёлька. – Почему он в своей комнате больше не живет? Он выписался? Выздоровел?

Труди прыснула, однако Стюарт так глянул, что она умолкла, словно подавилась.

– Ну... – начал Стюарт, но запнулся.

Пожал плечами. Огляделся, словно хотел, чтобы Лёлке ответил кто-то другой, но все молчали и отводили глаза.

Тогда Стюарт вздохнул и пояснил:

– Адаму был *Сигнал*. Курса он не окончил, но если *Сигнал* – это все! Значит, он срочно нужен. Надо спешить. Поэтому он полез в петлю. Ясно?

– Ясно... – проговорила Лёлька.

А что она могла еще сказать?!

* * *

Сумка с вживителями тяжело била по ногам, но Данила и не думал бросить ее.

Вживители берегли пуще глаза! Ведь после того как ставился этот крохотный чип, маленький дикий зверек или одичавшее домашнее животное начинали обожать людей как своих повелителей и друзей, готовы были жить с ними рядом, помогать, а если надо – защищать до последнего дыхания. И даже укусы диких или нелюдей на них больше не действовали, не превращали во врагов человека.

Если дикий конь укусит твоего коня в бою или во время погони, от которой зависят твое спасение и твоя жизнь, и тот сразу превратится в смертельного врага, – ты погиб. Если же у твоего коня стоит вживитель – укус ему нипочем. Он останется другом и будет сражаться с дикими вместе с тобой.

Данила потому и устал сегодня так сильно, что битых два часа гонял по полянке с жеребятами, играя в нечто среднее между чехардой и пятнашками. За это время ему удалось поставить шесть вживителей. Ох, как не вовремя появились эти птицеглавые!

Данила горько усмехнулся: а разве смерть к кому-то приходит вовремя? К тем двоим людям, которых он и та девчонка – даже имени ее он не знал! – убили во сне, она тоже пришла не вовремя.

А потом – не вовремя! – для всего человечества...

И теперь Данила пытается это исправить. Теперь ни жизнь его, ни смерть в счет не идут. Теперь важно только то, что он успеет сделать, прежде чем погибнуть.

Например, спасти вживители.

Там, на поляне, Данила не смог сразу же броситься бежать: надо было собрать пустые футляры от вживителей, чтобы унести их с собой. Птицеглавые не должны были их увидеть!

Одичавшие не все утратили способность думать и анализировать. Особенной, какой-то леденящей сметливостью отличались именно птицеглавые. И люди страшно боялись: если хотя бы футляр попадется птицеглавым, они смогут догадаться о назначении вживителей, смогут обнаружить их у молодняка... и тогда люди будут обречены.

Без помощи прирученных животных им не выжить!

Горючее берегли только для движков, подававших энергию к водяным насосам и ток к ограде форта, да еще для летательных аппаратов. Боевая машина – дело хорошее, но что она без бензина? Железяка. Поэтому людям были необходимы верховые лошади, боевые слоны и верблюды, стражи-собаки и орлы-наблюдатели.

Мясо диких животных употреблять в пищу настрого запрещалось – и как в этом случае людям обойтись без прирученного скота? Размеры форта не позволяли строить большие скотофермы, а сооружать их вне форта тоже было нельзя – хотя бы из-за невозможности обеспечить охрану. Вот и приходилось добровольцам снова и снова уходить в лес с вживителями, которые избавляли птиц и животных от врожденной лютой ненависти к человеку...

Уходить в лес – и оставаться там навсегда, если *не повезет*...

Данила бежал уже из последних сил.

Какое там – бежал! Тащился от ствола к стволу, а охотничий свист птицеглавых был слышен все отчетливей.

Вдруг впереди открылась поляна, а за ней засверкала река. И Данила почувствовал, как сразу прибавилось сил, ноги заработали быстрее.

Еще две-три минуты – и он добежит до воды. Если бы сразу попасть на глубину... может быть, ему посчастливится утонуть? С вживителями в воде ничего не делается, из форта потом пошлют прирученных селезней, они отыщут сумку и принесут обратно – к людям.

Ну а если на мелководье перехватят аквазавры?..

Данила содрогнулся.

Нет, уж лучше стрелы птицеглавых!

* * *

Этот Корректор оказался самым странным местом на свете...

Вообще-то он немножко – самую-пресамую чуточку! – был похож на летний лагерь, где Лёлька побывала в прошлом году. Само собой, лагерь располагался в лесу, а Корректор – в каком-то здании. Но в лагере тоже не было рядом ни мамы, ни папы: они приезжали только по воскресеньям, в родительские дни, – но все-таки Лёлька по ним не слишком скучала.

В лагере было весело и интересно, все новые друзья и подруги казались лучше прежних, оставшихся в школе и во дворе, с ними хотелось дружить, играть, болтать! Было много всяких развлечений – не то что дома, когда только и знай за уроками сидишь в то время, которое почему-то называется свободным.

И хотя по воскресеньям все радовались приезду мам и пап и охотно ели привезенную ими домашнюю еду, все же хотелось поскорей вернуться в отряд, угостить привезенной вкус-

нотищей всю компанию, угоститься тем, что привезли другим, поделиться новостями, которые сообщили родители, – и поскорей вернуться к веселой-превеселой лагерной жизни.

Об этой жизни Лёлька потом написала такое замечательное сочинение на тему «Как я провела лето», что ей не только поставили пятерку, но учительница литературы даже прочла ее сочинение вслух.

После этого весь класс порешил на следующее лето непременно поехать в «Чайку» – так назывался Лёлькин лагерь.

Само собой, за осень, зиму и весну желание отдыхать в той же компании, в которой и так с утра до вечера тусовался весь учебный год, у всех изрядно поостыло. И Лёлька точно знала, что в «Чайке» она не встретила бы никого из своих одноклассников. Каждый проводил бы лето по-своему!

Она ничего не имела против того, чтобы снова побывать в «Чайке», но вместо этого угодила в Корректор...

Здесь не было никаких родительских дней, да и ладно: о родителях Лёлька практически не вспоминала. Даже в голову не взбрело, что вот было бы здорово, если бы они приехали, чего-нибудь привезли... скажем, опять бигмак и пирожок с вишней, ну или еще чего-нибудь такого, вредного, но вкусного.

Лёлька не хотела ни бигмака, ни вишневого пирожка, ни встречи с кем бы то ни было. То есть она их не забыла, конечно, маму и папу, однако они словно бы отодвинулись от нее. Сделались не слишком нужными.

Машинально поругивая себя за эту черствость, Лёлька думала, что Корректор на нее таким образом воздействовал – а в то, что это дело рук (если у него были руки, конечно!) Корректора, она ни чуточки не сомневалась! – еще когда родители провожали ее на вокзале в Нижнем Новгороде.

А может, даже еще раньше! Ведь Лёлька не плакала, не ныла, не спрашивала, когда ее заберут из санатория домой, будут ли навещать...

И если она о чем-то тревожилась, то лишь о том, чтобы не оказаться в психушке.

А когда поняла, что это все же не психушка, мигом успокоилась!

Теперь Лёлька не сомневалась, что и мама с папой были точно так же стукнуты Корректором, как и она сама. Только этим глобальным компостированием мозга можно объяснить полное спокойствие родителей при прощании, отсутствие маминых слез и папиных наставлений.

А также то, что они совершенно безмятежно доверили единственную дочь санаторному сопровождающему – незнакомому человеку, которого увидели в эту минуту впервые в жизни. И отправили ее с ним невесть куда, в какой-то там санаторий... Причем о санатории они не знали совершенно ничего.

Ни адреса его, ни названия, ни фамилий врачей!

Ужасно странно!

Однако здесь, в Корректоре, Лёлька не сомневалась, что так и должно быть на самом деле. Потому что ни о родителях, ни о своей прошлой жизни не вспоминал никто из ее новых друзей.

Впрочем, друзьями их назвать было трудно... Они не болтали о пустяках, не вспоминали прошлое, не рассказывали о своих школах и одноклассниках, родственниках, о своих домашних животных...

У Лёльки, например, остался любимый кот Персик – еще маленький, котенок, можно сказать: бело-рыжий, ласковый такой! Но вспоминать о нем и с умилением рассказывать, какой он симпатяга, – это было совершенно неуместным в новой жизни. Тем более что в Корректоре Лёльку нарочно учили не любить животных и опасаться их!

Вообще-то чему здесь только не учили... Хотя на обычное учение это было мало похоже.

Прежде всего потому, что здесь не было никаких учителей. Все делали самостоятельно. Например, после дневного сна были тренировки в манеже, в тире или в спортзале.

Как правильно тренироваться и вообще что делать, узнавали из фильмов. Их смотрели с утра до полудня. Просыпались, завтракали в общей столовой (еду брали из особого стенового лифта) и шли в кинозал.

Он был разделен на индивидуальные кабинки, в каждой стоял монитор с наушниками.

Стоило сесть в кресло перед телевизором, как начинался просмотр.

Фильмы были самые разные! У каждого обитателя Корректора – свои. Правда, их не обсуждали – это было запрещено. Стюарт строго пресекал все попытки перемолвиться хоть словом на эту тему. Да, сказать по правде, особой охоты болтать о своих уроках почему-то не имелось ни у кого.

Наверное, тоже Корректор постарался...

Одним из первых Лёльке был показан фильм про то, как построить в лесу шалаш и защитить его от змей.

Оказывается, вокруг надо было положить волосяную веревку, которую змеи почему-то не могут решиться переползти.

Был фильм про то, как соорудить плот, нарубив деревьев. А если их, к примеру, не окажется, то плот можно собрать из самых неожиданных подручных материалов: шин, пластиковых бутылок, каких-то обломков, которые могут быть выброшены на берег волнами... Даже морская губка, высушенная солнцем и временем, могла пойти в ход!

Лёльку научили утолять жажду, посасывая гладкий камешек, и отыскивать в лесу не приметные тропы и ручейки.

Несколько дней подряд Лёлька училась делать стрелы. В самом начале фильма прозвучали загадочные слова: «Это пригодится, если у вас не окажется огнестрела».

Лёлька долго ломала голову, что это значит, но потом, так ни до чего и не додумавшись, просто забила на это, как и на прочие странные фразы, то и дело звучавшие с экрана.

Типа такой: «Если вы подбили нападающую на вас птицу, ни в коем случае не пытайтесь использовать ее мясо в пищу, а перья – для стрел. Это может быть смертельно опасно!»

А вообще-то сам фильм про изготовление стрел показался Лёльке очень интересным. Просмотрев его несколько раз, она наконец усвоила все премудрости и запомнила все советы.

Особенно настойчиво повторялось, что нельзя делать стрелы из тростника или других гибких прутьев. При этом диктор обронил очередную непонятку: «Тростниковые стрелы – главное оружие ваших врагов! Имейте в виду, что в лесу все деревья, кроме березы, вам враждебны. Особенно остерегайтесь клена».

Почему и что это означает, само собой, не объяснялось.

Для изготовления стрелы рекомендовались березовые штапики – Лёлька впервые слышала это слово, а означало оно кусок древесины, выпиленный как раз в тех размерах, в каких нужно было сделать стрелу.

Для оперения советовали использовать только кукушечьи перья.

Услышав это, Лёлька даже расхохоталась.

Чтобы эти перья раздобыть, кукушку надо сначала подстрелить, верно? А как ее подстрелить, если не будет оперенья? Ведь именно оно придает стреле точность полета, как бы выравнивает его, не дает вращаться и сбиваться с цели.

Нет, Лёлька не сама такая умная была – про это тоже из фильма узнала...

Вообще с этими перьями голову можно было сломать! Следовало брать их только из крыльев, причем запрещалось смешивать перья: берешь или только из правого крыла, или только из левого... Забудешь – стрела невесть куда полетит, только не в цель.

Довольно подробно говорилось о том, как изготовить тетиву.

Лёлька узнала, что стебли старой крапивы дают достаточно прочные волокна, которые можно скрутить вместе и получить вполне удовлетворительную тетиву.

При этом, само собой, не обошлось без очередной порции непоняток: «Если у вас закончились кевларовые¹ нити или вы оказались в лесу без огнестрела, ищите старую крапиву, она уже безвредна». Эти слова опять надолго заставили Лёльку призадуматься: к чему ее готовят? И зачем?!

Но она так и не додумалась ни до чего, а вопрос задать было некому. Все обитатели Корректора занимались по индивидуальным программам, обсуждать которые было не принято.

И только Стюарт однажды отвлекся от своих занятий, чтобы проводить Лёльку в тир, который находился на втором этаже.

Когда она попыталась спросить, почему должна смотреть такие странные фильмы, Стюарт только плечами пожал и буркнул:

– Ты же в Корректоре!

Типа, молчи, терпи и плачь.

Плакать Лёльке было неохота – но терпеть приходилось. Куда ж деваться-то?!

В тире Лёлька нашла все необходимое для изготовления стрелы. Кто принес туда штапик, острый нож, коричневато-сероватые кукушечьи перья, стебли крапивы, сырые жилы какого-то животного, комочек древесной смолки, точильный камень и обломок кости, она так и не узнала.

Да и не до того было.

Пришлось срочно вспоминать всю теорию, которую ей преподали в учебном фильме.

После немалых усилий Лёлька все же умудрилась обтесать штапик, расщепить его с одной стороны, запихать туда смолку и вставить оперенье.

Потом она отложила стрелу, чтобы высушить, и принялась обтачивать на камне обломок кости: ему предстояло стать наконечником.

Скрежеща костью по камню, а заодно зубами – от злости и усердия, Лёлька вспоминала наставление из фильма: «Если у вас не оказалось металлического наконечника, можно заострить саму стрелу и придать ей твердость, обжигая на огне. Но жесткий наконечник – кремневый или костяной – лучше».

Кремневый наконечник – это вообще из каких-то первобытных времен!

Почему ее таким странным вещам учат?

Зачем?!

Ответа, как обычно, не было...

Наконец Лёлька заострила кость, примотала сырыми (и довольно противными на ощупь!) жилами к стреле и оставила для просушки.

На другой день испытала свое изделие – сначала, конечно, сделав лук из прочного, гибкого березового прута и привязав крапивную тетиву.

В «яблочко» Лёлька не попала, однако угодила не слишком далеко от него. То есть ее рукоделие было не таким уж плохим! И стрелком она оказалась не самым худшим!

Кроме этого, Лёльку учили – для начала тоже в кинозале – тому, как приготовить еду: самой, на костре. Или на странной маленькой железной печке («Используйте только березовые дрова!» – настойчиво повторял диктор).

Был фильм и про то, как добыть продукты для приготовления еды.

Потом начались практические занятия.

Каждый из обитателей Корректора должен был отыскать себе разные продукты и готовил свои собственные обеды и ужины – как и предупредил в самом начале Стюарт. Для этого на первом этаже здания имелось несколько просторных тренажерных классов. Для каждого из

¹ Кевлар – сверхпрочное и сверхгибкое волокно.

ребят – свой. А зайти в чужой класс было невозможно: дверь открывалась только для того, кому в этом классе предстояло заниматься.

Неведомо, как в других, но в Лёлькином классе обстановка постоянно менялась. Невозможно было понять, как это делалось, но Лёлька оказывалась то на самом настоящем пшеничном поле, то в небольшом лесу, то в загоне среди нескольких живых – живее некуда! – коз или коров. Или, например, в птичнике, где сидели на яйцах квохчущие куры, утки или гусыни. Следовало собрать пшеничные колоски или ягоды, коз или коров подоить, яйца из-под несущек вытащить.

Про то, как доить, Лёлька посмотрела отдельный фильм. Даже дважды посмотрела!

Вообще это – научиться доить, а потом или пить парное молоко, или оставлять его скиснуть, чтобы сделать простоквашу, сметану или творог, – оказалось самым простым. Хотя сначала Лёлька была уверена, что у нее ничего не получится! Ничего, получилось – уже на второй день как миленькая обмывала животным вымя и проворно тянула за соски, выцеживая молоко.

Куда трудней оказалось выбрать среди нескольких животных то, которое доить можно.

Только у одной козы из пяти молоко было безвредным. У остальных – смертельно опасным.

Точно так же лишь одна из птиц готова была подпустить Лёльку к себе и позволить забрать яйца.

Пытаться запомнить, какую козу или корову ты сегодня доила, с какой курицей поладила – и назавтра пытаться найти ее же, было бессмысленно. Каждый день состояние животных и птиц менялось.

К примеру, вчера эта коза к тебе льнула как родная, а сегодня так и норовит рогами поддеть, и ее желтые глаза пылают злобой! А курица аж шипит змеиным шипом и готова насмерть заклевать!

Лёлке следовало научиться еще при входе в загон улавливать знаки опасности, которые животные подают. Чувствовать исходящую от них угрозу. И к таким не то что не прикасаться, но даже и не приближаться, чтобы не стать жертвой их ненависти.

За что ее могла ненавидеть какая-нибудь корова, которая видит ее в первый раз – ну и Лёлька, соответственно, тоже раньше с ней в один детсад не ходила! – понять было совершенно нереально.

Точно так же невозможно было объяснить и козью ненависть. Или, например, ненависть кур!

Ну ладно, это хоть живые существа со своими чуждыми и причудами! А вот за что Лёльку могли ненавидеть колоски на пшеничном поле или ягоды земляники на лесной поляне или шиповника в лесу?!

А они ненавидели – судя по частым уколам в пальцы, которые к концу урока распухали и болели.

Стоило выйти из тренажерного класса, боль утихала, но на душе было довольно пакостно – и это ощущение не проходило до тех пор, пока на следующем уроке тебе не удавалось без ущерба для пальцев найти больше колосков или собрать больше ягод.

Тогда настроение улучшалось.

Правда, еще предстояло эти колоски вышелушить, зерна провеять – то есть очистить от мякины (чешуек, в которые было «одето» каждое зернышко), растереть на камнях, а потом, замесив из этой «муки» с водой и яйцом тесто, испечь на раскаленном в костре камне лепешку.

Ну и съесть ее вместе с собранными ягодами.

Запивая молоком, которое ты сама надоила...

Однажды Лёлька плохо провеяла зерна, не заметила в муке жесткую ость, и та впиалась ей в горло. Лёлька пыталась прокашляться – но никак.

Горло болело.

К вечеру обитатели Корректора собирались на первом этаже в огромном манеже, где учились ездить верхом – причем не только на лошадях, но и на верблюдах, на ослах, даже на слонах!

Это было одно из немногих совместных занятий.

Тут Лёлькино хриплое покашливание было замечено.

Стюарт приказал сказать «А» и долго с задумчивым видом всматривался ей в горло, пока Лёлька не стала задыхаться. Тогда Стюарт велел рот закрыть и сообщил, что видел какую-то острую штучку.

Пальцами в горло не доберешься, ногтями штучку не подцепить. Нужен пинцет.

– Лина, помнишь, ты подавилась, тебе кто тогда помогал? Адам, Стелла, Омар или Данила? – спросил Стюарт.

– Да какая разница? – огрызнулась Лина. – Они все уже в петлю полезли. Их не спросишь!

– Ей Данила помог, – вмешалась Мадлен. – Я помню. Он сделал пинцет из двух деревяшек. Отшлифовал их, отполировал...

– Ага, он сто лет возился, – проворчала Лина, – я чуть не задохнулась из-за этой поганой саранчи!

– Ты ела саранчу? – прохрипела Лёлька, передернувшись от отвращения.

Саранча была насекомым, а насекомых она и раньше, дома, ужасно боялась. Всех, кроме божьих коровок.

Почему-то даже бабочек Лёлька страшилась, даже очень симпатичных кузнечиков! Стрекозы вызывали брезгливое отвращение, а при виде таракана она вообще могла заорать. Про пауков и гусениц лучше не вспоминать, тут и до обморока было недалеко...

Понятно, что одна мысль о том, что надо есть саранчу, чуть не повергла Лёльку в истерику:

– Ела саранчу?! Зачем?! Почему?!

– Ну, вот такая я злодейка-убийца-преступница, – проворчала Лина. – Такая мне кара предусмотрена. Да ладно, саранча – не самая большая гадость. Вы вот, русские, щелкаете подсолнечные семечки. Я как-то пробовала. Немножко похоже, честное слово. А гусеница вяленая – это вообще не похоже ни на что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.